

елизавета
голикова

«ПОВАРОМ БУДЕТ ВАРЯ. А Я БУДУ СЛОНОМ»

Накануне отъезда в Москву, после продолжительного детского отпуска на море, мы ужинали в рыбной таверне, находящейся в морской бухте. Вечер был чудный: звучало фортепиано, на столах горели фонари. Бухта была сплошь из белого камня, оттого поздно вечером казалось, что еще светло.

— Темнеет, — констатировал Федор.

У него вообще с темнотой и светом свои отношения. Однажды на занятиях преподаватель, показав на картинку с жирафом, спросил у детей, что изображено на рисунке. Варя честно ответила, что, мол, жираф.

— Темно, — сказал Федя, которому тогда было всего два с небольшим.

Он всегда замечает, как освещены места, в которые он попадает.

Варю больше интересовала музыка. Поэтому на месте ей не сиделось.

— Пойдем посмотрим, как он играет, — она тянула меня за руку.

Оказавшись возле пианиста, Варя прислушалась, запела, ну и наконец, принялась танцевать. В том смысле, что поднимать ноги и подол платья. Уговорить ее вернуться за стол было сложно. Я оставила ее возле инструмента одну. Но она этого не заметила.

Когда подали рыбу, Федя съел пару кусков филе, потом — кальмара, потом — краба, потом — две креветки, половинку сибаса, несколько кусков осьминога. Заел арбузом. Потом еще пончиками. И попросил еще.

— Ты голодный?

— Да, — он смотрел на меня так, что заподозрить его во лжи было почти невозможно. — Мама, дай мне хотя бы булочку, пожалуйста. С маслом.

Можно ли было ему отказать? Мы не смогли. Ни я, ни няня, ни тем более бабушка. Иногда мне кажется, что Федя думает только о еде. Если мы едем в машине, он высматривает в окне знакомые рестораны. И, показы-

вая на поворот, говорит: «Эта дорога ведет к рыбному ресторану».

И через каждые полчаса интересуется:

— Когда мы будем кушать?

Если Федя проявляет интерес к какому-либо предмету, его более всего интересует, съедобный ли он. Как-то в лесу они обнаружили кусты с малиной. Прежде Федя в сознательном возрасте не видел ни малины, ни кустов, ни в общем-то леса. Поскольку в лесу он был глубокой зимой, и вряд ли он это запомнил. Весной в лесу было сыро, и дети гуляли по дорожкам на участке, а затем были отправлены на остров в Средиземноморье, где про лес люди узнают из книг.

Увидев кусты с красными ягодами, Федя не стал интересоваться, что это, как оно называется и почему на одном из листиков куста ползет гусеница. Он ее даже не заметил.

— Можно кушать? — спросил сын, закладывая в рот красные ягоды.

У Вари другая реакция.

— Мама, гусеница превратится в бабочку? А какого цвета у нее будут крылья? А почему?

Остаться без еды для Вари — удача. Уговорить ее доест содержимое тарелки — невероятная удача. Для Феде отсутствие еды — большое наказание. Так было с младенчества: глотнув несколько миллилитров молока, Варя засыпала. Я выдавливала из соски по капле в несколько минут и придерживала дочери рот, чтобы молоко не вылилось и она его проглотила. Кормление Вари могло затянуться на 24 часа. С Федей — обратная история. Он выпивал целую бутылку за несколько минут, издавая при этом такие звуки, что собака Роня и кот Муха приходили в детскую в надежде, что с ними поделятся.

Пару раз было, что из-за капризов за столом Федя был оставлен без пищи.

— Остался голодный. Нету сил, чтобы прыгать и бегать. Не смогу играть. Подует ветер и сдует меня. Совсем, — рассуждал мальчик, нарезаая круги вокруг стола.

И вот сейчас, когда Федя запихивал в рот последний кусочек булочки, он увидел повара этого ресторана. Повар был в белом халате и бандане. Фебина рука опустилась ниже его рта, что случается редко. Вилка, которую мальчик всегда удерживает для подстраховки, была оставлена в тарелке.

— Мама, кто это?

Это был вопрос, наверное, не про еду. То есть это был один из тех редких вопросов, которые с едой напрямую не связаны.

— Федя, это повар. Он готовит еду, которую мы едим. Надо отдать ему должное, готовит он очень вкусно.

Варя не дала мне договорить.

— А почему повар? А почему вкусно? А почему готовит? И, мам, почему «отдать должное»? — дочь стала почему-то. Раньше я слышала об этом только от знакомых и друзей, чьи дети постарше наших. Теперь это случилось с моей дочерью. Она не пропускает ни одной возможности спросить почему. Когда отвечаешь на ее вопросы, и ей становится интересно, ее глазки расширяются, а губы складываются в новое «почему». Остановить поток ее «почему» сложно. Но Федя смог.

— Мама, давай отдадим ему должное. Он старался, было вкусно, — вдруг выдал сын. По его лицу было заметно, что он настроен серьезно.

По Вариному лицу было заметно, что она старательно переваривает то, что сказал брат. Я тоже смогла отреагировать не сразу.

— Давай. Думаю, имеет смысл подойти к нему и сказать спасибо. Сможешь?

Он оставил булку на столе. Отодвинул тарелку. Слез со своего высокого стула. Подошел к повару почти вплотную. И что-то сказал. Повар, чтобы расслышать, наклонился ближе к этому ребенку. Федя повторил и что было сил убежал обратно. Мне до сих пор удивительно, почему это оказалось так важно для этого мальчика, который традиционно осторожен в своих контактах с посторонними людьми. Это не Варя, которая моментально устанавливает неформальные отношения со всем, кажется, миром.

— Мама, можно мне еще рыбки? — отдавание должного повару заставило Фею снова проголодаться.

— Федь, может, ты, когда вырастешь, будешь поваром? — бабушка все-таки задала этот вопрос, на который приходится когда-нибудь отвечать всем без исключения детям. И всегда — неправду.

— Нет. Поваром будет Варя. А я буду слоном. В зоопарке. Ничего делать не надо. Но кормят всегда. Ешь, сколько хочешь. Яблоки, капусту, картошку, огурцы, помидоры, печенье, булочку с маслом, — Федя продолжал перечислять продукты, которые помнил. Но потом он вспомнил про рыбу и торт. Это то, что он любил больше остальных.

— Мама, а слоны едят рыбу и торты? Мне не хотелось его обманывать. И я ответила честно.

— Нет.

— Тогда придется быть кем-то еще. Жираф, мам, кушает рыбу и торт?

Было уже совсем темно. Белые камни стали почти не видны.

— Музыка закончилась! Почему пианино больше не играет? — Варя расстроилась.

— Потому что совсем стемнело и нечего есть, — у Феде были аргументы, чтобы успокоить сестру.